

ОТ МИФОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ К РАЦИОНАЛЬНОМУ

А.С.Майданов

Некоторые парадигмы и приемы мифологического мышления

Древние индийские веды и прежде всего Ригведа (обширное собрание священных гимнов, созданных примерно 3,5 тысячи лет назад: далее — РВ) как никакое другое творение первобытного мышления предоставляет нам возможность из первых рук узнать, как древние люди воспринимали и толковали небесные светила, в каких образах и каким способом отражали их, как связывали с ними свое бытие, как соединяли свой человеческий мир со всей вселенной.

Авторы вед выделяли из всего сонма созданных ими богов особую группу божеств, которых называли Адитьями. Мать у них была не общая с другими богами, а своя — Адити. Сыновей-Адितьев у нее было семь: Митра, Варуна, Арьяман, Бхага, Дакша, Анша. Седьмым называется то Сурья, то Вивасват, то Савитар. В РВ говорится даже о восьмом Адитьи — Мартанде.

Позднее мы попробуем разобраться в причине этого разнобоя. Роль и значение этих богов в древнеиндийской мифологии разное. Наиболее почитаемыми и влиятельными были Митра и Варуна. Им (по отдельности и вместе) посвящено в РВ тридцать гимнов, а кроме того еще двадцать пять гимнов — совместно с другими богами. В то же время остальным Адитьям отдельно не посвящен ни один гимн. Митра оказался наиболее долговечным богом из этого семейства. Он почитался не только в Индии, но и был включен в пантеон зороастризма, а позднее его культ распространился в римской империи, где просуществовал до первых веков нашей эры, соперничая с зарождавшимся культом Иисуса Христа.

Ведийские поэты-мудрецы — риши — воспевали Адитьев в возвышенных тонах, прославляли их за благие деяния и совершенные качества.

Вот образец одного из восторженных гимнов в честь этих богов:
 «Эти песни, плавающие в жире, языком
 Я приношу в жертву Адитьям, издревле царям.
 Да услышит нас Митра, Арьяман, Бхага,
 Рожденный силой Варуна, Дакша, Анша!

Этому моему восхвалению пусть радуются сегодня
 Единодушные Митра, Арьяман, Варуна —
 Сверкающие Адитьи, очищенные, как потоки (сомы)¹,
 Без кривизны, без упрека, без вреда!
 Адитьи поддерживают (все) движущееся (и) неподвижное.
 (Они —) боги, пастухи всего мироздания,
 С далеко простирающейся мыслью, охраняющие мир асуров,
 Сблюдающие (вселенский) закон, наказывающие за вину.

Они поддерживают три светлых небесных пространства,
 (Они,) золотистые, сверкающие, очищенные, как потоки (сомы),
 Не дремлющие, не смыкающие глаз, не поддающиеся обману,
 Чья хвала далеко раздается для правого смертного» (II, 27, 1, 2, 4, 9).

И хотя Адитьи и прежде всего Митра и Варуна относятся к числу главных богов индоарийской мифологии и им посвящено достаточно большое количество гимнов РВ, тем не менее многое относительно них остается неизвестным и непонятным. Их образы — одни из наиболее эзотеричных в РВ. До сих пор остаются без ответа, например, такие вопросы: почему эти боги образуют особую группу? Какие объекты или явления были прототипами образов этих богов? Почему именно этим богам приписаны важные социальные и этические свойства и функции? Почему их семь? По какой причине одни из них более значимы, а другие — менее?

В гимнах, посвященных Адитьям, до сих пор много неясных и неистолкованных мест. Например, как можно понимать такое свойство Варуны, как семиричность (VIII, 41, 4)? Что это за семь сестер, которыми он окружен и посреди которых он находится (VIII, 41, 2)?

Что это за семь потоков, которыми он правит (VIII 41, 9)? Как понимать слова о том, что Митра и Варуна имеют много петель (VII, 65, 1)? А о каких качелях идет речь в следующих стихах:

«Искусный царь Варуна сотворил себе на небе
 эти золотые качели для блеска» (VII, 87, 5)?

А о каком дереве говорится в следующей строфе:

«В бездонном (пространстве) царь Варуна с чистой
 силой действия

Держит прямо вершину дерева.

(Ветви) направлены вниз. Их основание — наверху» (I, 24, 7)

Разгадка этих и других подобных темных мест крайне необходима для понимания образов богов — Адитьев, для выяснения основания приписывания им названных выше функций, а также для уяснения тех представлений, которые были у творцов этих гимнов о поражавшем архаичного человека безмерном и загадочном мироздании, для понимания того, какими элементами достоверного знания об этом мироздании они обладали и как толковали то, что было недоступно их непосредственному чувственному восприятию. Уровень их знаний, углубление и расширение последних приводили к эволюции образов богов. Это мы, в частности, покажем на изменении образов Митры и Варуны, которые поначалу выступали как два самостоятельных бога, затем были объединены в двуединый образ Митры-Варуны, а позднее (в иранской мифологии) этот двойной бог был полностью замещен одним Митрой. Эта трансформация отражает изменение представлений ариев о реальных прототипах образов данных богов.

Поиск прототипов Адитьев

Эту задачу мы попытаемся решить в два этапа. Сначала отыщем прототипы Митры и Варуны, поскольку о них сочинено больше гимнов и, следовательно, имеется больше информации, а затем экстраполируем найденное решение на остальных Адитьев. После этого откроются логические пути к определению прототипа матери этих богов — Адити.

В индийском мифоведении с давних времен предпринимались попытки определения реалий, олицетворяемых Митрой и Варуной. Распространенной была точка зрения, отождествлявшая Митру с днем, а Варуну — с ночью. Первый соответственно был назван дружелюбным, а второй — ужасным². Современный мифолог из Калькутты Сукумари Баттачарджи высказывает несколько иную точку зрения. Он пишет, что Варуна «был первоначально олицетворением всего неба во всех его видах. Но позже его назначение становится ограниченным и он символизирует только ночное небо с тысячью звезд на нем, которые являются его тысячью глаз или наблюдателей, следящих за тайной деятельностью людей в ночное время. Дневное небо же в тот период символизировалось Митрой»³. Митра стал богом солнечного света, — утверждает этот исследователь. Варуна же позднее связывается с темными и зловещими признаками ночи⁴. Далее Баттачарджи обобщает символическую функцию Митры, распространяя

ее на всех Адитьев. Он пишет: «Адитья иногда употребляется в единственном числе, обозначая Солнце». «Адитья несомненно является общим именем Солнца». «Позднее в эпических сочинениях и в Пуранах Адитья становятся синонимом Солнца, точно так же как в РВ многие имена бога Солнца утратили свои специфические черты и использовались без всякого различия в качестве синонимов Сури»⁵.

Американский специалист в области древних астрономических представлений разных народов Эдвин Крапп высказывается против отождествления Митры с какими-либо физическими явлениями, в том числе со светом. «Митра был не самим светом, а скорее трансцендентным духом, олицетворявшим способность возжигать новые жизни, — пишет он. — На санскрите Митра означает «друг». Это согласуется с его зороастрийской ролью посредника в воздушном пространстве между вечным небесным светом Ахурамазды и бездонной тьмой Ангра Майнью. С этой удобной позиции Митра наблюдал за всем, что творилось на Земле»⁶.

Приведенные только что толкования того, что олицетворяли собой Митра и Варуна, ценны тем, что они устанавливают связь первого со светлым началом, а второго — с темным, а тем самым в этическом плане соответственно с добрым и угрожающим. Однако эти трактовки слишком общи и неполны, чтобы объяснить множество вполне конкретных признаков, приписываемых РВ этим богам. Поэтому и интерпретация их должна быть более конкретной, опирающейся на обширный комплекс их характеристик. Весь этот комплекс свойств мы и положим в основу предлагаемой нами трактовки образов данных Адитьев.

В анализе и истолковании мифов мы исходим из точки зрения на миф как на такое творение мысли, которое наряду с вымыслом обязательно содержит элемент реалистического содержания. Этот элемент может быть выражен в прямой форме, но чаще всего он выражается иносказательно. Поэтому важно уметь видеть реалистическое содержание, выраженное не только прямо, но и посредством метафор, аллегорий и т.д. Такой подход ориентирует исследователя на поиск тех реальных объектов и явлений, которые были избраны мифотворцами в качестве прототипов создаваемых ими богов.

Распознавание этих прототипов следует начинать с определения предметной области, к которой они могут относиться, а затем с определения класса объектов или явлений этой области, элементами которой может быть искомый прототип. Попытаемся определить предметную область, реальную сферу действительности, к которой могут относиться прототипы Митры, Варуны и других Адитьев.

Ответ на этот вопрос мы находим у певца Готамы: «На небе находится сиденье Митры, Арьямана и Варуны» (I, 90, 2). И далее в этом гимне читаем: «Прославляй находящегося на небе Арьямана, Бхагу» (I, 90, 5). Подтверждение тому, что областью нахождения Варуны, а следовательно, и других Адитьев является небо, мы находим и у риши Набхака из рода Кангов: «Ногою-лучом он рассеял колдовские чары, он взошел на неба свод» (VIII, 41, 8). И, наконец, мы можем даже определить, о каком небе — дневном или ночном идет речь. «Он (Варуна. — А.М.), ярко светя ночью, тем самым пролагает путь солнцу, он управляет движением луны», — сообщает певец Шунахшепа (I, 24, 8, 10). А поэт Сьюмарашми из рода Бхригу помещает всех Адитьев на ночное небо, описывая их как дружное семейство крупных светил, ярких, как юные мужи:

«Для красоты надели (свои) украшения юные мужи
 Как прекрасное содружество Марутов⁷, сверкая сквозь многие ночи.
 Сыновья неба сомкнули свои ряды, как антилопы.
 Эти Адитьи выросли, как слоны.

(Те,) что мощно выступили словно за пределы неба (и) земли,
 Сами по себе, как солнце из тучи,
 Вызывающие восхищение, как герои могучего сложения,
 Как юные мужи, заботящиеся о чужом, обращенные к небу...»
 (X, 77, 2–3).

Итак, той сферой, в которой находятся Адитьи, является небо и притом ночное. Из этого можно сделать предположение, что прототипами Адитьев могут быть объекты этого неба. Последними же являются созвездия, звезды и планеты. Проверим последовательно, какой же из этих объектов может быть отыскиваемым нами прототипом.

Предположение о том, что прототипами Адитьев были созвездия, т.е. группы звезд, а не отдельные звезды, отпадает. Это становится очевидным из следующих стихов РВ:

«Пусть Савитар, Бхага, Варуна, Митра, Арьяман
 Прекрасно, широко даруют нам ту защиту, о которой мы просим» (VIII, 18, 3).

Относительно Савитара известно, что это один из богов солнца, т.е. единичного небесного объекта. И если перечисленные в вышеприведенных строках Адитьи ставятся рядом с таким объектом, то и они олицетворяют единичные объекты. Из другого гимна еще с большей определенностью следует, что Варуна, а тем самым и другие Адитьи олицетворяют единичные объекты на ночном небе. Это видно из сравнения Варуны с таким четко ограниченным единичным объек-

том, как капля. «В море нисходит Варуна, как день, как белая капля...» (VII, 87, 6). После того, как мы установили, что прототипами Адитьев являются единичные небесные объекты, следует определить, к какому классу таких объектов — звездам или планетам — могут быть отнесены эти прототипы. В этом случае нам помогут характеристики Адитьев, даваемые им риши с помощью весьма красноречивых признаков. О Митре-Варуне, представленных как равные друг другу, говорится:

«Вы выделяетесь, о Митра-Варуна, над широким (пространством), над землей,

Над огромным высоким небом...

Вы держите соглядатаев среди растений, среди поселений... не моргая» (VII, 61, 3).

«Ведь они два царя

С ярчайшим блеском, о которых слышно дальше всех» (V, 65, 2).

Характеристика «не моргая» отражает свойства планет светить в отличие от звезд спокойным, ровным светом. Кроме того, из астрономии мы знаем, что наиболее яркими светилами на небе после луны являются утренняя звезда (т.е. Венера перед восходом солнца) и вечерняя звезда (Венера после захода солнца). Таким образом, можно сделать следующие выводы: во-первых, прототипом Митры и Варуны является планета Венера. Во-вторых, индийцы эпохи вед считали Венеру на восходе и на закате двумя отдельными светилами. В-третьих, они тем не менее видели полное внешнее сходство этих светил, так что в конце концов стали называть их общим сдвоенным именем «Митра-Варуна» и говорили об их близком родстве:

«Митра и тот, который Варуна с прекрасной силой духа,

Постоянно связанные, как два коня колесницы» (VII, 25, 2).

«Уселись двое преданных закону для высшего господства» (V, 25, 8).

В качестве дополнительного подтверждения того, что Митра и Варуна — это Венера, следует обратить внимание на неоднократное подчеркивание индоарийскими поэтами особой связи, пространственного и временного отношения этих богов с солнцем. Известно, что Венера предшествует восходу солнца, появляясь незадолго перед этим в лучах утренней зари. Вечером же она, напротив, появляется на некоторое время после захода солнца на фоне вечерней зари. Это заметили риши и отразили в своих гимнах:

«Благодаря закону вы (Митра-Варуна. — А.М.) царствуете во всей вселенной.

Солнце вы помещаете на небо (как) яркую колесницу» (V, 63, 7).
 «Мы хотим служить вам двоим на восходе солнца... о Митра-Варуна»
 (VII, 63, 5).
 «Возникли ваши обильные, полные меда (кони),
 Сурья поднялся в светлый поток,
 Для которого Адитьи открывают пути:
 Митра, Арьяман, Варуна единокровные» (VII, 60, 4).
 «Ваш глаз — двоих богов — о Варуна, (о Митра), —
 Прекрасный на вид Сурья восходит, протягивая лучи» (VII, 61, 1).
 «Сурья принимает этот цвет Митры (и) Варуны,
 Чтобы быть видимым в лоне неба» (I, 115, 5).

Теперь поищем ответ на вопрос: кто же из двух ипостасей Венеры — утренней и вечерней звезды — был Митрой, а кто Варуной? Вот какие характеристики даны Варуне в РВ:

«Он (Варуна. — А.М.) обнял ночи.
 Волшебной силой он спрятал зори,
 (Хоть сам) он (и) виден по (всему) свету» (VIII, 41, 3).
 «Кто сделал себе светлые наряды черными (т.е. на смену лучей вечерней зари пришла ночь. — А.М.)...» (VIII, 41, 10).

Очевидно, что эти признаки характерны для вечерней звезды, так что ее олицетворением был Варуна. А следовательно, Митра был богом утренней звезды. О Митре как божестве утренней звезды, возвещающем о появлении солнца, мы можем найти строки и в «Авесте»:

«Он первый из небожителей (язатов)
 Поднимается над вершиной Хара,
 Предшествуя бессмертному, быстроходному Солнцу;
 Первый овладевает
 Прекрасными золотыми высями
 И оттуда, могучий,
 Обзревает все арийские жилища» («Яшт» 10.13).

Сопоставим с этими строками слова из творения древних греков «Илиады», мифы которых нередко перекликаются с мифами индоиранцев:

«В час, как утро земле возвестить Светоносец выходит
 И над морем заря расстилается ризой златистой»⁸.

Эти строки описывают ту же картину. Но в данном случае вполне точно известно, что Светоносцем греки называли утреннюю звезду. Это дает нам еще одно основание считать Митру богом именно этой звезды.

Мы уже говорили, что постепенно арии пришли к пониманию того, что утренняя и вечерняя звезда — это одно светило. У индоариев это отразилось в соединении имен богов этих «звезд» в одно сдвоенное имя. Иранские же арии постепенно вытеснили Варуну из пантеона своих богов, оставили из этой пары только Митру. Этот единый бог обоих ипостасей Венеры был заимствован сменившим древнеиранскую мифологию зороастризмом. Но и в этой новой религии Митра (авестийский Мифра) сохранил многие черты индоиранского Митры-Варуны. Эти черты, описанные в пространном гимне Авесты «Михр-яшт», мы используем в качестве еще одного подтверждения нашей идеи о том, что Митра-Варуна были богами планеты Венера. Вот соответствующие строки из этого гимна:

«Мы почитаем Митру,
Чьи пастбища просторны,
Чьи истинны слова, -
Тысячеухий, статный
Чьих мириад очей,
Могучий и высокий,
Он вширь обзревает,
Бессонный, неусыпный» («Яшт» 10.7)⁹.
«Который самым первым
Из всех божеств небесных
Над Харою восходит
Перед бессмертным Солнцем,
Чьи лошади быстры,
И первым достигает
Прекрасных золотистых
Вершин, откуда видит
Он весь арийский край» (13)¹⁰.
«Мы почитаем Митру..
Что землю вширь проходит
После захода солнца
И, двух сторон касаясь
Земли этой широкой,
Округлой, дальнокрайней,
Все озирает то, что
Меж небом и землей» (95)^{11 12}.
«Перелетает Митра, чьи пастбища просторны,
Через Восток и Запад,
Две стороны на Севере,
Две стороны на Юге...» (133)¹³.

«Мы почитаем Митру..
Он, божество великое,
Творенья созидает
Святого Духа утром,
Когда он освещается
Луне подобно светлой» (142).
«И лик его сияет как Тиштрии-звезды» (143)¹⁴.

В другом гимне Авесты — в «Хуршед-яшт» обращается внимание на еще одну красноречивую особенность Митры — на то, что он представляет собой связь между солнцем и луной:

«Помолимся Митре,
Луга чьи просторны,
Тысячеухому,
Чьих глаз мириад...
Помолимся связи,
Из всех наилучшей,
Меж Солнцем с Луной» («Хуршед-яшт» б. 5).

В самом деле, планета Венера появляется на рассвете между ночным и дневным светилами и тем самым является как бы связующим звеном между ними. Изложенное нами толкование образов двух главных Адитьев дает ответ на давний вопрос, возникавший у мифологов по отношению к этим богам. Ж.Дюмезиль, например, формулирует его так: «Какой логической необходимостью поддерживается объединение Митры и Варуны, наиболее тесное во всем ведийском пантеоне, за исключением двух Ашвинов, связь между которыми явно иного типа?»¹⁵. Дюмезиль высказывает предположение, что тесное сосуществование этих богов «основано на полном и прочном различии, таком, однако, что наличие одного члена требовало присутствия другого»¹⁶. Т.Я.Елизаренкова высказывает более определенные предположения относительно основания единства этих богов: Варуна «значительно чаще упоминается в связи с Митрой, чем отдельно, причем Варуна в этих гимнах во многих отношениях настолько неотделим от Митры, что возникает вопрос, нельзя ли их рассматривать как ипостаси одного бога»¹⁷. И действительно, как мы показали, они были таковыми, в свою очередь, являясь отображениями разных ипостасей одного реального объекта, что и служило не столько логической, сколько онтологической необходимостью объединения этих двух богов. В древнегреческой мифологии можно найти аналоги Митры и Варуны. Это Диоскуры — боги-близнецы Кастор и Полидевк. Они символизировали собой периодическую смену света и мрака, жизни

и смерти. По этой функции они вполне совпадают с Митрой и Варуной. А поскольку в отношении Кастора и Полидевка вполне точно известно, что они были богами утренней и вечерней звезды, то на основании вышеуказанного совпадения по функции можно говорить, что Митра и Варуна совпадают с Диоскурами и в отношении символизируемых ими реальных объектов. Можно найти достаточно точный аналог Митре и Варуне и в древнеримской мифологии. Им является бог Янус. Это один бог, но с каждым из его двух лиц можно соотнести соответственно Митру и Варуну. Этимология имени «Янус» совпадает с функцией, которую Митра и Варуна выполняют по отношению к солнцу, ко дню и ночи: они открывают выход для них. Имя «Янус», происходящее от «Janua» означает «двери», «ворота». Его эпитетами являются «отпирающий», «запирающий». Он открывал небесные врата и выпускал солнце на небосвод, а на ночь запирает их. Два его лица и означают, с одной стороны, обращенность ко дню, а с другой — обращенность к ночи. Янус был доброжелательным богом, каким был Митра у ариев, но он в случае проступков людей мог разгневаться и наказать их, что делал и Варуна. Возможно, совсем неслучайно имя «Janua» оказывается созвучным имени «Варуна». Итак, мы видим, что одно и то же весьма заметное явление на небосводе — появление планеты Венеры в виде утренней и вечерней звезды — нашло довольно сходное отображение в сознании разных древних индоевропейских народов. Нам же оно позволяет путем сопоставления достаточно определенно идентифицировать соответствующих богов и их прототипы. Но подчеркнем, что сходство касается главным образом функций этих богов. Функции и являются тем инвариантом, благодаря которому можно сравнивать и отождествлять богов. Наглядное же отображение соответствующих прототипов может оказаться весьма отличным. В данном случае «двойность» Венеры была представлена двумя отдельными богами у ариев и одним богом с зеркально приписанным признаком у древних римлян. Мифологическое мышление, следовательно, действует весьма свободно и разнообразно в отношении внешней формы воплощенного в образах богов содержания. Трактовка Варуны как бога вечерней звезды делает понятной этимологию его имени. Это имя многие исследователи производят от корня «wt» — «закрывать», «завесить», «покрывать»¹⁸. Ведь Варуна — вечерняя звезда — появляясь после захода солнца, знаменовал собою конец дня, «закрывал» его, «оповещал» о наступлении ночи. Потому-то он и ассоциировался с ночью, с темными силами. И поэтому в Тайттирия-самхите говорится, что Митра создал день, а Варуна — ночь¹⁹. И теперь понятна еще одна характеристика Вару-

ны, которую мы находим в древних текстах. Атхарваведа (III, 27, 3) называет этого бога господином запада. Арабский ученый Бируни, посетивший Индию в XI веке, писал: «Индийцы, согласно своим обычаям, восьми горизонтальным направлениям (странам света) придали владык...». Владыкой запада считался Варуна²⁰. Эта характеристика как раз объясняется тем, что олицетворяемая Варуной звезда появлялась в западной части неба, где в представлениях не только ариев, но и древних греков была «область туманная ночи» («Одиссея», XIII, 240–241). Предложенное нами толкование образов Митры и Варуны позволяет понять прототипы двух богов индейской народности калинья (карибов), живущих в Гайане на северо-востоке Южной Америки. Имена этих богов — Тамузи и Иолокантамулу. Они наделены признаками, которые совпадают с признаками Митры и Варуны. Эти боги — близнецы. Одного из них — Тамузи — их мать богиня вод Амана родила на рассвете, а другого — на закате. Тамузи ассоциируется с благоприятными для человека признаками: он живет на светлой стороне луны, является хозяином рая — страны, где не кончается день, куда души праведников отправляются для того, чтобы воссоединиться с ним. Он героически сражается с враждебными силами, которые уже несколько раз уничтожали мир, но после каждого разрушения Тамузи творил мир заново. Его брат также живет в небесах, но в стороне, противоположной раю, в стороне, где не кончается ночь. Он — творец тьмы и источник всех зол. Он выступает как необходимое дополнение к светлым сторонам мира, олицетворяя Тамузи. В этой паре божественных близнецов Тамузи играет более важную роль и является своего рода высшим существом²¹.

Из приведенного описания богов американских индейцев видно, что за их образом стоят те же прототипы, что и у индоиранцев — утренняя и вечерняя звезда. Эти объекты воспринимались как теми, так и другими совершенно одинаково — как олицетворение соответственно наступающего дня и опускающейся на землю ночи. И благодаря этим признакам каждому из них, как и Митре и Варуне, приписывались соответствующие этические качества. Именно благодаря идентичности прототипов этих двух пар богов мышление двух разных народов приписало этим богам сходный морально-психологический облик.

От разгаданных прототипов к разгадке поведения богов

В мифологиях разных народов встречается миф о мировом древе. Оно выполняет роль стержня, оси мироздания, являясь опорой, соединяющей нижний и верхний миры, землю и небо. Образ дерева, причем растущего вниз ветвями, есть и в древнеиндийской мифологии:

«В бездонном (пространстве) царь Варуна с чистой силой действия
Держит прямо вершину дерева.
(Ветви) направлены вниз. Их основание — наверху» (I, 24, 7).

Можно ли это дерево также считать мировым деревом? Контекст этого гимна подталкивает нас к другому выводу. После слов о ветвях речь сразу же идет о лучах: «Да укрепляются в нас лучи». Эта фраза, соотнесенная с фразой о ветвях, ясно указывает на метафоричность последней, так что становится очевидным, что ветви являются метафорой лучей. Но если ветви — это лучи, то основание дерева — источник лучей. На этот источник указывается в следующей строфе:

«Ведь широкий сделал царь Варуна
Путь для солнца, чтобы следовать (ему).
Безногому он сделал ноги, чтобы приставить...» (I, 24, 8).

Варуна, или Венера, помогает солнцу всходить, что оно делает с помощью лучей, опираясь на них, как на ноги. Таким образом, в двух соседних строфах параллельно приводится две метафоры относительно одного и того же денотата: лучи — это и ветви дерева, и ноги.

Если Митра, а также Варуна — это планета Венера, то реальная картина утреннего неба на востоке выглядит так: уходит луна, появляется Венера, посылающая лучи вниз, на землю. Затем поднимается солнце, которое в свою очередь направляет вниз свои лучи. Эта картина и представлена метафорически в образе дерева, вершину которого образует Венера, основание — солнце, а его лучи — ветви. Этой метафорой и отображена та связь между этими светилами, о которой говорят арийские мудрецы.

Эта же картина отображена с помощью другого, знаково отличного, но семантически тождественного метафорического образа:

«На выглядящий, как золото при воспламенении утренней зари,
Трон с бронзовой колонной на восходе солнца
Вы поднимаетесь, о Варуна и Митра...» (V, 62, 8).

Инвариантность денотатов разных образов позволяет с помощью одного образа истолковывать другой. Своеобразие каждого из образов состоит в том, что они представляют одну и ту же картину под различными углами зрения: один отображает свойственную этой картине динамику направленной вверх, другой — вниз. Но благодаря этому данные образы дополняют друг друга и вместе дают более полное изображение.

Может возникнуть возражение: Варуна был представлен нами как бог вечерней звезды. Но тогда почему он появляется в картине утреннего восхода солнца? Однако это возражение снимается, если иметь в виду гибкость мифологического мышления, в котором те или иные образы и представления не являются жесткими и неизменными, они не привязываются строго и однозначно к одним и тем же денотатам, а, напротив, свободно ассоциируются то с одними, то с другими явлениями. Так и Варуна представляется то как бог вечерней звезды, то как бог всей Венеры. Это же имеет место и в отношении Митры. Вот еще одно подтверждение этого: «Вас двоих я призываю гимнами на восходе солнца: Митру и Варуну», — возглашает ведийский певец во время утренней молитвы (VI, 65, 1).

Сопоставим с реконструированной только что нами по гимнам РВ картиной наступления солнечного утра такую же картину, но взятую из древнегреческих мифов. В них изображаются одни и те же объекты и явления — Венера, заря, солнце. Это сопоставление позволяет еще раз подтвердить правильность нашего толкования Митры как бога утренней звезды: эта звезда вполне определенно представлена в древнегреческой картине, а следовательно, ее аналогичный по свойствам коррелят в ведической картине также является утренней звездой. Вот картина утра, составленная по эллинским мифам: «Все ближе утро. Богиня Луна уже давно спустилась с небосклона. Чуть посветлел восток. Ярко загорелся на востоке предвестник зари Эос — Форос (утренняя звезда). Подул легкий ветерок. Все ярче разгорается восток. Вот открыла розовоперстая богиня Заря-Эос ворота, из которых скоро выедет лучезарный бог Солнце-Гелиос. В ярко-шафранной одежде, на розовых крыльях взлетает богиня Заря на просветлевшее небо, залитое розовым светом... Лучезарный бог выезжает на небо с берегов Океана в золотой колеснице, которую выковал бог Гефес, запряженной четверкой крылатых коней»²².

Яркую и красноречивую метафору избрал поэт Васиштха для представления одной из особенностей поведения светила, олицетворяемого Варуной и Митрой. В одном из гимнов он говорит, что эти боги имеют много петель (РВ, VII, 5, 3). В другом же гимне эту особенность поэт отображает через другой образ: «Искусный царь Варуна сотворил себе на небе... золотые качели для блеска» (VII, 87, 5). Вместе с богом Васиштха поднимается на корабль, они выводят его на середину океана и раскачиваются на качелях (VII, 88, 3).

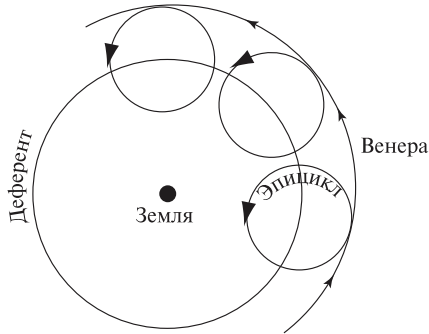
Поищем истолкование этих образов на избранном нами пути. На этом пути мы определили прототип Митры-Варуны. Им оказалась планета Венера. Но тогда в особенностях поведения этой планеты, в

ее кинематике мы должны найти такие реальные признаки, которые можно было бы принять за денотаты упомянутых знаков-образов. Нам здесь ничего не остается делать, как перебрать известные непосредственному восприятию особенности кинематики Венеры и отобразить такие, которые бы оказались аналогами содержащегося в этих образах признака — поступательно-возвратного движения. Перебор признаков указанной кинематики приводит нас к такой ее особенности, как прямое и попятное движение. Суть этой особенности состоит в том, что Венера, впрочем как и другие планеты, двигаясь по своей орбите вокруг солнца, периодически отклоняется от этой орбиты сначала к востоку, удаляясь при этом от солнца, т.е. совершает прямое движение, потом к западу (попятное движение). Вот как это движение описывается в современном труде по астрономии. При восточной элонгации (наибольшем отдалении от Солнца) планета видна на западе, в лучах вечерней зари, вскоре после захода Солнца, и заходит через некоторое время после него. Затем, двигаясь попятным движением (т.е. с востока к западу), планета начинает приближаться к Солнцу и скрывается в его лучах. Спустя некоторое время планета становится снова видимой, но теперь уже на востоке, в лучах утренней зари, незадолго перед восходом Солнца. В это время она продолжает двигаться попятным движением, постепенно удаляясь от Солнца. Достигнув наибольшей западной элонгации, планета останавливается и меняет направление своего движения на прямое. Теперь она движется с запада на восток и наконец скрывается в утренних лучах Солнца. Спустя некоторое время она снова видна на западе в лучах вечерней зари. Достигнув предельного восточного удаления, планета останавливается, меняет направление своего движения на попятное, и все повторяется сначала. Авторы цитируемой книги заканчивают это описание следующими очень важными для нашего анализа словами: «Таким образом, нижние планеты совершают как бы «колебания» около Солнца, как маятник около своего среднего положения»²³. Вследствие такой особенности движения планет видимая траектория этого движения приобретает петлеобразный характер.

Арии не знали маятника, но для отражения колебательного характера видимого движения планет они нашли не менее яркий образ — качели. Здесь поражает то, что эту особенность движения планет индийские мудрецы заметили более чем за 15 веков до нашей эры.

Во 2-м веке нашей эры древнегреческий астроном Клавдий Птолемей придумал весьма наглядный способ описания этого движения планет. Прямые и попятные движения он представил в виде малых

кругов, по которым движутся планеты. Эти же малые круги — петли, или по Птолемею эпициклы — движутся по большим кругам — деферентам. Графически это выглядит так:

Перемещающийся эпицикл образует в итоге на большой окружности целую последовательность кругов, напоминающих вереницу петель. Это и есть те петли, о которых говорил Васиштха.

Образ петель был использован ведийским риши для описания греховности человека. Грехи, как петли, опутывают его. Естественно, эти петли набрасывает на грешников Варуна.

А как избавиться от грехов? Конечно, с помощью того бога, который имеет дело с петлями, — Варуны. К нему за этим и обращались арии:

«Вверх — верхнюю петлю...

Вниз — нижнюю, посреди среднюю сними!

Тогда сможем мы, о Адитья, пребывать

В твоём завете безгрешные перед Несвязанностью!» (I, 24, 15).

От реальности к фантазии

Не всегда за мифологическими образами стоят реальные прототипы. Знания архаичных людей были крайне неполными и неточными. Их представления часто оказывались ошибочными. И вот с помощью этих ошибочных представлений они довольно часто пытались объяснить те или иные явления природы. В результате появлялись новые ошибочные представления, но уже более фундаментального характера. Так у ариев возникло представление о небесных водах — небесных реках, небесном океане.

Наблюдая за выпадением дождей, древние мудрецы задавались вопросом: откуда на небе берется вода? Причем воды там было очень много, поскольку дожди идут часто и по небу ходят огромные, наполненные водой тучи. В ситуации, когда было еще очень далеко до представления о круговращении воды в природе, эти мудрецы пришли к неизбежному для такой ситуации заключению, что вода возникает вверху, на небе и оттуда боги направляют ее на землю. Для них было естественно связать этот процесс со светилами: ведь других объектов, на которых происходил бы процесс образования воды и с которых она бы проливалась вниз, вверху не было. К тому же светила, как считали мудрецы, находились довольно близко к земле. В процессе формирования такого представления срабатывал прием соединения двух разнородных и в действительности не связанных между собой явлений — дождя и небесных светил, что и привело к фантастической идее небесных вод. Причина появления в воздушном пространстве влаги отыскивалась не в атмосферных явлениях, а в неадекватной для них сфере небесных тел. При таком подходе и сам механизм образования вод неизбежно получал фантастический характер.

Арии считали, что дождь возникает из луны²⁴. Митра, Варуна, Арьман — боги небесных тел — «смачивают шкуру земли» (I, 79, 3).

Иранские арии думали, что звезда Сириус, олицетворяемая богом Тиштрией, хранит семя вод и производит их, а соседняя звезда Сатаваэса (возможно, Альдебаран) является распределителем дождей. В авестийском гимне «Тиштр-яшт» о звезде Сириус говорится:

«Звезде блестящей Тиштрии
Помолимся счастливой,
Ей тысячу умений
Создал Ахура-Мазда,
Сильнейшей среди звезд,
Хранящих семя вод,
Летящей сквозь сиянья
С хранящими вод семя» («Яшт» 8. 45)

«Молитву и хвалу, мощь и силу прошу
Тиштрии-звезде блестящей, благодатной
И Сатаваэсе, полнящему воды, сильному,
Созданному Маздой.
«Истина — лучшее благо...» (62).

Поскольку небесные тела в основном имеют белый цвет, то у ариев сложилось представление, что белый огонь есть облик воды, тогда как красный огонь — облик жара²⁵. В конце концов все звезды стали рассматриваться как источники вод, истоки рек. Эти воды в своей совокупности образовали единый бескрайний небесный океан.

После только что сказанного мы теперь можем вполне определенно понять ряд темных мест в гимнах к Варуне.

Варуна также является производителем вод, причем из него, как из обильного источника вытекает не одна, а семь рек (на то он и могущественный бог, царь среди богов). «Он тот, кто живет у истока рек» (VIII, 41, 2); «Прочно сиденье Варуны, он правит семью потоками...» (VIII, 41, 9); «Окруженный семью сестрами, он находится посередине» (VIII, 41, 2). Употребляемое здесь число «семь» объясняет такое свойство Варуны, как его семиричность (VIII, 41, 4). Семь рек можно истолковать как семь потоков, порожденных семью светилами, с которыми в представлении ариев были связаны семь Адитьев. К этим богам и прежде всего Митре-Варуне обращаются арии с просьбой о дожде:

«О два царя — хранители великого закона.

О повелители рек, два владыки! Приходите в наши края!

Жертвенную усладу, а также дождь, о Митра-Варуна,

Ниспошлите нам с неба, о вы, быстродарящие!» (VII, 64, 2).

«О Митра-Варуна...

Вы двое заставьте излиться дождем алое беспорочное небо!» (V, 63, 6).

Варуна, как главный бог вод, откликается на призыв просителей:

«Бочку с отверстием внизу Варуна

Вылил на оба мира (и) в воздушное пространство,

Ею царь всего мироздания,

Как дождь — хлеба, орошает почву» (V, 85, 3).

Из-за обилия находящихся вокруг него вод Варуна назван тайным, мощным океаном (VIII, 41, 8). Вот с этим-то Варуной и восходит в своем воображении поэт Васиштха на корабль — на олицетворяемое этим богом светило. Они выводят этот корабль на середину океана и движутся на этом корабле взад-вперед по поверхности вод, как будто раскачиваются на качелях.

От единичного объекта к классу объектов

Определение прототипа Митры и Варуны облегчает задачу поиска прототипов других Адитьев. Если прототип Митры-Варуны — планета Венера, то прототипами остальных Адитьев, родственных Митре и Варуне, естественно должны быть аналогичные объекты. При этом к этим объектам не следует относить одни лишь планеты. Древние люди объединяли в одно семейство и планеты, и солнце, и луну. Они заметили у всех этих тел одно общее свойство: как планеты, так и солнце, и луна для них были сходными небесными телами, поскольку те в отличие от звезд не сохраняют одно и то же положение в созвездиях, а перемещаются по ним, блуждают, почему эти тела и были названы планетами, т.е. «блуждающими». С глубокой древности людям были известны семь таких тел: Солнце, Луна, Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн. Арии первоначально воспринимали Венеру как два самостоятельных светила, так что для них «блуждающих» тел было восемь. И сыновей у богини Адити также было восемь.

Следовательно, такие сыновья Адити, как Арьяман, Бхага, Дакша, Анша — это другие планеты, известные в древности. Кроме того, к сыновьям Адити относится одно из солярных божеств (или Савитар, или Вивасват, или Марганда), а также Луна. И поскольку эти светила находятся на небе, то именно к ним и возможно было обратиться такой призыв:

«О Адити, взгляните же на (нас) вниз,
Как дозорные с холма!» (VIII, 47, 11).

С какой конкретной планетой был связан тот или иной бог с полной определенностью сказать относительно всех богов трудно, поскольку для этого нет достаточных сведений в ведийских сочинениях. Но с большей или меньшей определенностью можно, например, утверждать, что Арьяман был богом планеты Марс. Его, как правило, упоминают сразу же после Митры и Варуны. Эти же боги выдвинуты на первое место по признаку наибольшей яркости олицетворяемой ими планеты. Тогда следующий за ними бог должен быть связан с планетой, идущей по яркости вслед за Венерой. Такой планетой и является Марс. Дакшу в нескольких случаях называют отцом. Это наводит на предположение, что этот бог олицетворял еще одну отличающуюся особой яркостью планету. Такой планетой мог быть Юпитер. Он действительно обладает сильным блеском, уступающим только Венере и Марсу, когда находится в великом противостоянии, т.е. мак-

симально близко подходит к Земле. Видимо, по этой причине и древние римляне наделяли Юпитера — бога именно этой планеты, а не более ярких Венеру и Марса, высшим статусом, считая его верховным божеством. Именем верховного бога Ормазда названа эта планета и в зороастризме.

Менее последовательными были ведийские мифотворцы по отношению к Солнцу. Они то включали одну из его ипостасей — Мартанду — в группу «блуждающих» светил, то исключали его из нее.

«Восьмеро сыновей у Адити,
Которые рождены из ее тела.
С семерыми она присоединилась к богам,
Мартанду отбросила прочь» (X, 72, 8).

«С семерыми сыновьями Адити
Присоединилась к первому поколению.
К потомству, как и к смерти,
Она снова привела Мартанду» (X, 72, 9).

Причиной такого отношения могло быть или то, что Солнце в отличие от других светил появляется днем, тогда как все восходят на небо ночью, или то, что у него нет попятного движения, как у них. Однако важная роль Солнца как фактора, с которым связано умирание и возрождение природы, побуждало все же риши вновь возвращать его в семейство Адитьев.

В конце концов в ведийской мифологии установилось вполне определенное число светил этой группы. Астрологи послеведийского времени работали с семью классическими светилами, при этом располагая их в порядке возрастания силы воздействия: Солнце, Луна, Венера, Юпитер, Меркурий, Марс, Сатурн.

Расширение класса прототипов

В истории с формированием образов Адитьев проявилась способность древних ариев видеть своеобразие тех или иных групп объектов в массе объектов более широкого класса (в данном случае в массе всех небесных светил) и специфическим способом включать их в свою мировоззренческую систему. Но если у них было это умение, то они не могли не увидеть, не удивиться и не восхититься еще одним своеобразным видом небесных тел, а именно

комет. А увидев их, они не могли не включить в свою систему божественный образ этих необычайно впечатляющих объектов. Тогда есть смысл поискать в древнеиндийской мифологии образ этих объектов. Он, безусловно, как и сами объекты должен быть необычайного вида и обладать необычайными свойствами.

Давайте воспроизведем современные представления о наблюдаемых невооруженным глазом признаках комет, а затем посмотрим, в образе какого из богов нашли свое отображение (естественно, уже в мифологической форме) эти признаки.

Современная астрономия описывает кометы как тела солнечной системы, обычно со светлым сгустком — ядром — в центре и с хвостом. Интересна этимология этого слова. По-гречески оно означает «звезда с хвостом», «длинноволосая». Комета движется с периферии солнечной системы по направлению к Солнцу. Видимой она становится лишь тогда, когда приближается к Солнцу на расстояние, равное 4–5 расстояниям от Земли до Солнца. В это время большое ледяное ядро кометы прогревается лучами Солнца и из него начинают выделяться газы и пыль. Последние создают вокруг ядра туманную оболочку (атмосферу кометы), которая вместе с ядром составляет голову кометы. Атмосфера непрерывно рассеивается в пространство. Под действием светового давления и солнечного ветра газы и пыль уносятся прочь от ядра, образуя хвост кометы. У большинства комет в середине головы наблюдается яркое ядро, представляющее собой свечение центральной, наиболее плотной зоны газов²⁶.

Конечно, физических и химических процессов, протекающих в кометах, арии не знали, но зрительно воспринимаемые признаки они, безусловно, видели и их-то риши со свойственным им поэтическим мастерством и можно сказать с необходимостью не могли не запечатлеть в своих песнопениях. При этом нужно обязательно иметь в виду, что эти мудрецы смотрели на все объекты, проявляющие большую активность, отличающиеся динамизмом и впечатляющим внешним видом, через особую призму. Этой призмой была антропная парадигма. Они не могли истолковать и объяснить подобное явление действительными физическими причинами и процессами. Единственным известным им фактором, который проявлял активность, мог совершать преднамеренные действия, порождать или создавать новые объекты, был человек. Если в окружающем мире риши наблюдали какие-то физические объекты и процессы с признаками актив-

ности, то они подходили к их объяснению с позиций этой парадигмы. Следовательно, таким же образом они должны были описать и истолковать кометы. Поэтому в мифологическом образе этих объектов с неизбежностью должны сочетаться физические и антропные характеристики. Результатом этого, в частности, будет метафорическое представление признаков комет.

<i>Черты Вишну по РВ</i>	<i>Соответствующие характеристики комет</i>
1. «Выезжает со своего места по вершинам неба (V, 87, 4); охраняет высшие пастбища (небо. — А.М.)» (III, 55, 10).	1'. Кометы движутся в космическом пространстве.
2. «Обладающий ярким блеском (I, 156, 1); подобен Солнцу (I, 155, 5); он «блеск Солнца», «его глаз — Солнце днем, Луна — ночью» («Харивамса»).	2'. У большинства комет в голове имеется яркое звездообразное ядро, оно ярко светится днем и ночью.
3. Быстро идущий (I, 156, 1); стремительный (VIII, 20, 3).	3'. Кометы движутся с большой скоростью.
4. Поддержал восточную вершину Земли (VII, 99, 2).	4'. Кометы могут проходить, в частности, и через восточную часть неба.
5. У него свита многих женщин (III, 54, 14); в его пыльном следе все сосредоточено (I, 22, 17).	5'. Кометы имеют длинный хвост.
6. Растущий телом сверх меры (VII, 99, 1).	6'. При приближении хвост комет сильно удлиняется.
7. Далеко распространяющийся (I, 156, 1); высокотелый (I, 155, 5).	7'. Комета вместе с хвостом имеет большую длину.
8. Порождение, древний отпрыск всееленского закона (I, 156, 1).	8'. Кометы в своем движении подчиняются определенным законам.
9. «Три шага один, далеко движущийся, прошагал туда, где блаженствуют боги (к Солнцу. — А.М.)» (VIII, 29, 7).	9'. Кометы движутся по направлению к Солнцу.

Просмотр богов РВ приводит к мысли, что наиболее подходящим кандидатом на роль божества комет является Вишну. Именно в его образе мы находим черты, соответствующие признакам комет.

Эти сопоставления позволяют утверждать, что прототипом Вишну была комета. Из такого яркого объекта с длинным хвостом мифологическое воображение могло создать Солнце, и оно сделало это следующим образом: «Голова Вишну была отсечена и стала Солнцем» (Шатапатха-брахмана, XIV, 1, 1, 1).

Предлагаемая точка зрения делает понятной этимологию этого бога. По мнению индийских комментаторов имя «Вишну» является дериватом от слова *vis*, которое означает «входить», «распространять», «охватывать», «наполнять собой», «проходить»²⁷. В значениях этих слов отражено свойство комет входить в область Солнца и ближайших к нему планет, распространяться по ней своим длинным хвостом, заполнять этим хвостом ее часть.

У Вишну есть до сих пор не совсем понятный эпитет «Шипивишта», который остается непереуслышанным в иноязычных изданиях Ригведы, однако автор соответствующего гимна Васиштха обращается к Вишну, называя его именно этим словом:

«Сегодня я прославляю это имя твое,
О Шипивишта, (имя) благородного господина — я, понимающий
(тайные) знаки.
Я, менее сильный, воспеваю тебя, такого сильного,
Правящего далеко за пределами этого пространства» (VII, 100, 5).
«...Ты провозгласил: «Я есмь Шипивишта»» (VII, 100, 6).

Выдающийся индийский комментатор ведийских текстов Саяна, живший в XIV веке, интерпретирует это имя как «пребывающий в солнечных лучах»²⁸. Если теперь это толкование соотносить с нашей трактовкой прототипа Вишну — с кометой, то смысл их станет вполне понятным: Вишну-комета действительно освещается лучами Солнца, а потому и видна.

Исходя из излагаемой трактовки и имея в виду характеристики комет, попытаемся теперь истолковать самую важную и до сих пор еще загадочную черту Вишну, заключающуюся в том, что он тремя шагами прошагал всю вселенную.

В древнеиндийской традиции три шага Вишну были, в частности, истолкованы как движение Солнца — или от восхода через зенит и закат, или через три мира — Землю, воздушное пространство, небо. Однако приписывание трех шагов Солнцу неоправданно, поскольку, во-первых, Вишну олицетворял собой не Солнце, а комету, а во-вторых, как это мы сейчас покажем, в текстах РВ с Солнцем связывается лишь один шаг. Шаги Вишну характеризуются в ведах как деяния. Эти деяния носят космический характер и представляются как его следы во вселенной. Ответ на то, чем были эти шаги-деяния, мы находим в следующих строках из РВ:

«Я хочу сейчас провозгласить героические деяния Вишну, — воскликает поэт Диргхатамас, — который измерил земные пространства, который укрепил верхнее общее жилище (небо. — А.М.)...» (I, 154, 1). Из этих слов видно, что первый шаг был сделан Вишну к Земле,

вторым он поднялся на вершину неба, а третьим шагом он «...прошагал туда, где блаженствуют боги» (VIII, 29, 7). Этим же местом является светлое пространство около Солнца или даже само Солнце. То, что «высший след» — это Солнце, видно из следующих строк:

«На этот высший след Вишну
Всегда глядят приносящие жертву,
Как на глаз, разверстый в небе» (I, 22, 20).

Эти определения в РВ относятся к Солнцу. На ярко сверкающее Солнце больно смотреть, и именно этот признак приводится в другом гимне, когда речь идет о третьем шаге:

«Видя только два шага того,
Кто выглядит, как солнце, мечется смертный.
На его третий никто не отважится (взглянуть),
Даже крылатые птицы в полете» (I, 155, 5).
Именно глядя вверх, на небо можно произнести и такие слова:
«Ведь именно оттуда мощно сверкает вниз
Высший след далеко идущего быка (Вишну. — А.М.)» (I, 154, 6).

Там по представлениям ариев находятся их предки, преданные богам, там их обитель и туда хотят попасть все смертные:

«Я хотел бы достигнуть этого милого убежища его,
Где опьяняются мужи, преданные богам:
В самом деле, ведь там родство широко шагающего.
В высшем следе Вишну — источник меда» (I, 154, 5).

Реконструированный нами маршрут Вишну достаточно точно отображает траекторию движения кометы: она движется из далекого космоса к Земле, пролетает мимо нее, продолжает путь по «небу» в сторону Солнца и, достигнув его окрестностей, постепенно перестает быть видимой, как бы совершив свой последний шаг.

Преодоление колоссальных расстояний, прохождение мимо множества других небесных тел поражало воображение древних людей и явилось причиной того, что этому богу было дано имя Вишну, что означает, кроме прочего, «проникающий во все», «всеобъемлющий». Этим своим смелым подвигом Вишну заслужил то, что он был включен в семейство Адитьев, стал сыном богини Адити (Атхарваведа, 11, 6, 2). Более того, со временем его статус повышался, и он был провозглашен мужем этой богини (Тайттирия-самхита, 7, 5).

Бхаттачарджи, характеризуя образ Вишну, говорит, что этот бог не описан со стороны его физических, телесных свойств²⁹. Однако в действительности, как это мы только что пытались показать, в гим-

нах о Вишну указываются многие признаки, которые с большой степенью очевидности являются именно характеристиками его физических свойств. Именно они наводят на мысль о реальном природном объекте, являющемся его прототипом. В качестве таких же природных черт Вишну можно рассматривать еще одну примечательную особенность этого бога — его способность быть карликом, а затем превращаться в гиганта. Правда, другой исследователь вед В.Мачек считает этот мотив в описании Вишну чисто сказочным, несоотнесенным с какой-либо реальностью: «Его три шага и его карликовый облик наводят на мысль, что подлинная природа Вишну происходит из области колдовства, из мира сказочных существ и чар. Здесь мы не можем не думать о таком типе сказок, в которых некий волшебник помогает герою сказки не своей физической силой, а своим колдовством...»³⁰. Мачек считает ошибочными попытки некоторых индийских мифологов давать космологическую интерпретацию этой особенности Вишну. Мы же сейчас попытаемся представить эту особенность именно как отражение вполне определенного реального свойства космического объекта — кометы. Такое толкование становится еще одним убедительным доводом в пользу предложенной нами трактовки прототипа Вишну.

Этот бог считался карликом среди всех Адитьев. Но Вишну не все время был таким. Он мог быстро превращаться в гиганта. Этот мотив многократно разрабатывался в индийском эпосе и пуранах. Один из вариантов этого повествования рассказывает о том, как Вишну смог перехитрить чрезмерно усилившегося царя Бали. Этот царь управлял тремя мирами. Даже боги трепетали перед ним. Они боялись, что он, достигнув с помощью жертвоприношений огромной власти, может в конце концов полностью подчинить их себе. Для того чтобы ослабить Бали, Вишну появился перед ним в виде карлика размером в треть большого пальца и попросил дать ему в виде милостыни такой участок земли, который он, Вишну, смог бы измерить тремя шагами. Набожный царь удовлетворил его просьбу, но после этого Вишну превратился в существо гигантских размеров и прошел тремя своими шагами три мира, оставив во владении Бали только один нижний мир — преисподнюю³¹.

Поскольку речь в этом сказании идет о трех мирах, т.е. о земле, воздушном пространстве и небе, то естественно допустить, что за образом Вишну стоит космический объект, способный проходить через такие огромные пространства. Этим объектом, как мы уже говорили раньше, могла быть комета. Именно у комет мы находим свойство превращаться из объектов чрезвычайно малых размеров в гигантс-

кие объекты. Так комета Галлея, находясь вдалеке от Солнца, не имеет хвоста и ее размеры очень малы. Длина ее ядра, имеющего форму картофелины, составляет всего 11–15 км, а поперечные размеры — 4–8 км. Но по мере приближения к Солнцу она начинает быстро расти. Астроном Э.Крапп описывает это преобразование кометы следующим образом: «Ядро кометы огибает Солнце по длинной сигарообразной орбите, и большую часть времени она проводит так далеко от Солнца, что остается незаметной для наших наблюдательных приборов (а тем более для невооруженного глаза. — А.М.). Однако когда эта крошка приближается к Солнцу и начинает реагировать на его тепло, то облачается в модный наряд. Открытые ледяные поверхности испускают реактивные струи газа и пыли... Комета превращается в настоящий «снежок из ада», плюющий раскаленными брызгами. Летучие вещества испаряются с ледяного ядра, и газопылевое облако разрастается до размеров, многократно превышающих диаметр Земли, иногда сравниваясь по величине с Солнцем. Хвост кометы может достигать миллионов миль в длину, а внешняя корона из разреженного водорода, невидимая с Земли, в десятки раз превышает размер Солнца»³². Хвост кометы простирается на полнеба. Она ярко светит отраженным солнечным светом. О том, какой казалась комета земному наблюдателю в давнее время, мы можем прочитать в древнерусской летописи «Повесть временных лет», описавшей ее появление в 1066 году: «В эти же времена было знамение на западе — звезда превеликая, лучи имеющая как бы кровавые, восходившая с вечера по заходе солнечном и пробывшая семь дней. Это предвещало недоброе, ибо после того было много усобищ и нашествий поганых на русскую землю»³³. Пройдя мимо Земли, а затем и Солнца, комета постепенно удаляется на периферию нашей планетной системы, размеры ее сокращаются и она перестает быть видимой. Стать снова маленькой ей ничего не стоит, поскольку плотность вещества в хвосте чрезвычайно мала, так что по замечанию Краппа «хорошо упакованный кусок кометного хвоста размером с Тихий океан, может уместиться в обычном чемодане».

Появление комет производит сильное впечатление на современного человека, а уж что говорить о людях, живших тысячи лет назад с их большой впечатлительностью. Глядя на подобные явления сквозь субъектную парадигму, они неизбежно должны были отобразить явление кометы в образе обладающего способностью необычных превращений сверхсущества. И так видели и мыслили не только арии.

В «Калевале» мы также находим сказание о карлике. Его образ настолько похож на ведийского Вишну, что вполне можно и в этом случае приписать необычайному персонажу тот же реальный про-

тотип — комету или, может быть, метеорит, который согласно данному сочинению, по-видимому, вошел в соприкосновение с Землей. Если это так, то мы имеем мифологическое свидетельство о падении в давние времена где-то на севере какого-то небесного тела. Вот это свидетельство:

«Вот выходит муж из моря,
Богатырь из волн поднялся;
Не из очень он великих,
Не из очень также малых:
Он длиной с мужской был палец,
Ростом — в меру женской пяди.
Был покрыт он медной шапкой,
Сапоги на нем из меди,
Руки в медных рукавицах,
Чешуей покрытых медной,
Медный пояс был на теле,
И висел топор из меди...
И сказал морской малютка:
«Нет! Я муж на самом деле,
Богатырь из волн могучих.
Дуба ствол пришел срубить я,
Расщепить здесь дуб высокий».
Тут (А.М.)... малютка изменился,
Обратился в великана!
В землю мощью ног уперся,
Головою держит тучи;
С бороною по колено,
Волосы висят до пяток;
Между глаз косая сажень...
Вперевалку зашагал он,
Тяжкой поступью затопал,
Он шагал в штанах широких,
Раззевавшихся от ветра.
С первым шагом очутился
На земле песчаной, рыхлой,
Со вторым он оказался
На земле довольно черной,
Наконец, при третьем шаге,
Подошел он к корню дуба.
Топором он дуб ударил, -
Лезвием рубил он гладким...
Искры сыплются с железа,
А из дуба льется пламя...
Смог он дуб свалить на землю,

Смог сломать он ствол трещавший,
Сто верхушек опрокинуть.
Положил он ствол к востоку,
Бросил к западу верхушки,
Раскидал он листья к югу,
Разбросал на север ветки» («Калевала», руна 2-я, 111–190).

Последние строки можно истолковать как символическое отображение картины уничтожения леса в случае, если в самом деле имело место падение какого-либо небесного тела. Вспомним, что произошло с тайгой после взрыва Тунгусского метеорита: деревья на большой территории оказались поваленными во все стороны от эпицентра взрыва. В целом же приведенный фрагмент из финского эпоса вполне может быть воспринят как описание динамики увеличения размеров такого тела по мере его приближения к Земле.

Важно подчеркнуть, что творцы разных мифологий, во-первых, отображают идентичные природные явления посредством одного рода понятий, а именно понятий, относящихся к антропной сфере, что свидетельствует о господстве антропоморфного стиля мышления, а во-вторых, представители разных мифологических традиций используют различный набор предметов и свойств антропогенной природы для описания одних и тех же природных явлений. В этих противоположных чертах проявляется, с одной стороны, универсализм приемов мифологического мышления, а с другой — его автономность. Последняя может затруднить усмотрение общности прототипов, лежащей в основе разных мифологических образов.

От партикулярного к тотальному

Объединение отдельных объектов или явлений в группы или классы было одной из тех мыслительных операций, которую раньше других освоили древние люди и широко применяли в своих интеллектуальных построениях. Но основания для интегрирования были обычно малозначимыми или даже фиктивными. Сама процедура объединения строилась на основе неадекватных парадигм. Характер отношений, связывающих объединяемые явления в ту или иную общность, был, как правило, гетероморфным. Эти отношения приносились в конструируемую целостность из другой сферы действительности. В случае планет это были отношения родства, характерные для отношений между людьми. Этого же рода отношения были использованы при формировании образа богини всех «блуждающих» небесных светил — Адити. Какое же реальное явление послужило прото-

типом для этой богини и каким образом были представлены действительные отношения этого прототипа с планетами в структуре, образованной семейством Адитьев?

Переход от отдельных объектов или явлений, от партикулярного к тотальному осуществлялся архаичным мышлением не путем поиска сущностного содержания в этом партикулярном, не путем выявления системных характеристик класса объектов и не посредством обнаружения факторов более глубокого уровня. Такой подход ориентирует на исследование каузальных, системных связей и отношений, на постижение специфических для данного класса объекта реальных свойств, качеств, механизмов. Безусловно, такую парадигму первобытное мышление не могло выработать. Решать же эти проблемы оно не отказывалось, однако действовало при этом на основе представлений, формировавшихся на базе ограниченных возможностей умственного восприятия и обыденного житейского опыта. В этом опыте была одна из структур, которая объединяла отдельные феномены в единую целостность. Ею была семья. В этой структуре отдельные элементы — дети — объединялись таким фактором, как родители. Структура строилась на отношениях порождения, родства, соответствующей субординации. Усвоенные из повседневной жизни черты этой структуры и образовали своеобразную парадигму архаичного мышления — фамильную. С помощью этой модели творцы древних мыслительных построений упорядочивали мир многообразных явлений, в том числе космических. Также поступали и ведийские мудрецы. Они объединили группу известных им «блуждающих» светил в семейство богов-братьев. Определение родителей этого семейства шло по двум направлениям. При этом они руководствовались еще и таким правилом: порождаемое подобно порождающему. У порожденных, какими считались названные светила, было два признака, по которым следовало искать «родителей». Одно из свойств — «блуждание» по созвездиям. По этому свойству первоначально не оказалось подходящих объектов вне самого семейства, и поэтому отцом был признан один из братьев — Дакша. Позднее эта роль была передана в определенном смысле постороннему объекту, но также блуждающему — комете. И отцом стал Вишну. Описываемый способ подбора «родителя» привел к парадоксу: отцами Адитьев становились их братья, сыновья их же матери. Но, вероятно, недавняя реальная жизнь с элементами инцеста допускала возможность такого парадокса. В мире богов инцест встречается спустя длительное время после его запрета в мире людей.

Формирование образа матери Адитьев шло по другому их признаку — светимости. Именно этот признак отражен в эпитетах, характеризующих каждого из Адитьев: блестящий, золотой, многоглазый, далеко видящий, неморгающий, бессонный. Их свет, — говорит поэт Васиштва, — это «немеркнувший свет Адити» (VII, 82, 10). Как к Адитьям, так и к их матери молящиеся обращаются с просьбой о свете:

«Кто сегодня выбирает помощь богов?
Кто просит Адитьев, Адити о свете?» (IV, 25, 3).

И сияние высокой богини зари Ушас — это также свет Адити:

«Мать богов, лик Адити,
Знамя жертвы, высокая (богиня), — воссияй!
Зажгись, оказывая честь нашей молитве!» (I, 113, 19)

«Светоносная Адити» вобрала в себя и свет Солнца (I, 90, 3). Она светит всегда, и именно поэтому к ней обращаются с такой просьбой:

«Адити (пусть хранит) наш скот днем,
Адити недвоедушная — ночью» (VIII, 18, 6).

Будучи существом творящим, она по логике архаичного мудреца должна была по своим масштабам превосходить сотворенные ею светила. И действительно, в РВ утверждается, что она заполнила воздушное пространство, поддерживает землю и небо (X, 75, 1–2). Это «громадная богиня с громадной оградой» (VIII, 67, 12).

Что же за реалья избрана авторами вед в качестве прототипа этой всеобъемлющей богини? Ясно, что ни одно из небесных тел не может быть им. Все они ограничены в своих размерах, она же безгранична, как свидетельствует перевод ее имени. Каждое из них появляется на небе или только днем или только ночью, она же дарит людям свет постоянно. Она может быть сравнима только с небом, «чей блеск необъятен» (V, 54, 12). И тогда остается освободить ее от привязанности к любому из видимых человеку небесных источников света и представить прототип этой богини как несвязанный ни с чем свободный свет. Потому-то ее, по-видимому, и называют «Несвязанностью», как гласит другой перевод ее имени. Такой бесконечный свет может быть сопоставим только с небом. И, видимо, именно оно называется в процитированной выше строке «громадной оградой», ограничивающей видимый свет.

Реконструированный нами процесс формирования образа Адити и толкование ее как богини света помогает более ясно понять смысл многих гимнов, в которых говорится об этой богине и ее сыновьях.

Но при этом выявляются новые особенности мифологического мышления. Для него свойственно переворачивание причинно-следственных и генетических связей. Свет как порождение небесных тел сам превращается в творца этих тел. Это происходит потому, что данное мышление руководствуется принципом: то, что чувственно воспринято и в чувствах более впечатляюще, то и является причиной. Повсеместно видимый свет, видимый днем и ночью, не мог не превосходить по своей роли и значимости отдельных светил, светящих локально и ограниченно во времени. Мифологическое мышление действовало в соответствии с правилом: на основе видимого, а следовательно, внешнего, можно строить представление об определяющем, сущностном, фундаментальном. Психология определяла онтологию, вследствие чего реальность отражалась в перевернутом виде. Определяющим оказывалось внешнее, второстепенное, частное в явлениях. Причины природных событий перемещались в сферу божественного, т.е. вымышленного. Формировалась онтология наизнанку. Помимо этого срабатывала еще одна процедура незрелого мышления: экстраполяция черт качественно одной сферы действительности на всю эту действительность. Это выразилось в применении к физическим объектам фамильной парадигмы, о чем мы уже говорили, а также в переносе представлений о физиологическом процессе порождения новых феноменов на физический процесс. «Блуждающие» светила появились на свет таким же образом, каким появляются дети у людей. Они родились из чрева своей матери. В этом способе мышления проявляется одна из существенных черт мифологического творчества: использование для истолкования и объяснения явлений неадекватных парадигм. Надо сказать, что эту черту часто можно обнаружить и в научном мышлении.

Правда, следует подчеркнуть, что древние риши не были слишком ригидными в своих мыслительных построениях. Какие-то факты им говорили о том, что свет сам является порождением небесных тел. Потому они проявляли непоследовательность, колебания в представлениях о том, кто же является родителем, а кто его порождением, и считали, как уже говорилось, Адити то матерью Адитьев, то дочерью одного из них — Дакши или Вишну.

В этой непоследовательности, однако, реализуется весьма продуктивный прием мышления — поливариантность. Он заключается в том, что в условиях недостатка данных и их неточности мышление строит различные варианты объясняемого или истолковываемого. Возникающие при этом противоречия не должны заставлять отказываться от этих вариантов, поскольку любой из них может оказаться

достоверным. При единственном же варианте мышление вполне может очутиться на ложном пути и попадет в тупик. Этот прием эффективно используется и в научном мышлении. Первобытному мышлению он также позволял с помощью разных вариантов образов богов давать ответы на те вопросы, на которые не отвечал какой-либо из вариантов. С прагматической точки зрения такой прием был оправдан и целесообразен. Обращение к нему естественно и необходимо в условиях эволюции знаний о мире.

Превращение частного в универсальное, определяющее

Особые свойства небольшой группы небесных тел — планет — явились причиной того, что риши выделили эту группу из огромной совокупности светил и придали ей исключительный статус. Светила этой группы, воспринимавшиеся ариями как боги, олицетворяли вселенский закон гта. Вглядываясь в небо, арии видели определенный порядок в движении звезд. Они обратили внимание на регулярность в движении солнца, луны, в появлении утренних зорь, в смене дня и ночи. Все это определялось ими как порядок, свойственный миру. Этот порядок и составлял суть вселенского закона. Но почему этот универсальный закон был отдан в ведение богам небольшой группы светил?

Одной из причин было то, что эти светила выделялись из сонма всех звезд своей впечатляющей яркостью. Эта непосредственно, чувственно воспринимаемая особенность с ее сильным эмоциональным воздействием наводила архаичных людей на мысль об особой роли ее носителей. Другой причиной было близкое нахождение данных светил к наблюдателям. Именно такое положение планет и делало их особенно доступными для восприятия и притом в чрезвычайно впечатляющем виде. Так формировалась такая гносологическая позиция, как обсервоцентризм, заключающаяся в абсолютизации центрального положения наблюдателя в воспринимаемой им области действительности.

Наконец, третья причина заключалась в той своеобразной призме, сквозь которую древние люди смотрели на явления природы. Такой призмой была доминальная парадигма (от лат.: *dominus* — господин, властелин). Согласно ей в природе, как и в мире людей, имеются субъекты, которые правят всем, что в ней существует, управляют всем происходящим там. Важным в этом воззрении было то, что такое управление осуществлялось не произвольно, а в соответствии со-

всеобщим законом. Адитьи и существовали для того, чтобы охранять этот закон и следить за тем, чтобы все подчинялось ему. В этом и состояла космическая и земная миссия данных богов.

Благодаря им мир организован и согласно устроен, в нем царит порядок. В таком мире может жить человек, в нем ему легче преодолевать трудности. И прежде всего эту роль выполняют Митра и Варуна:

«Ведь они двое достигли непререкаемой власти,
Полного асурского господства» (V, 66, 2).

«Благодаря закону вы царствуете во всей вселенной» (V, 63, 7).

«Митра удерживает небо и землю» (III, 59, 1).

«Ты (Варуна. — А.М.) царишь надо всем,
О мудрый: над небом и землей» (I, 25, 20).

Социализация природного

Из только что приведенных строк видно, что в мировосприятии ариев обожествленные светила выступали как субъекты, т.е. как существа, действующие сознательно и активно, умеющие ставить цели и достигать их. Причем эти субъекты в отличие от людей обладали намного большей силой и масштабностью присущих им способностей. Но если так, то они не могли не вмешиваться в жизнь людских сообществ, не могли не влиять на ее характер и ее течение. Хотелось бы только, чтобы это вмешательство и влияние были полезны и выгодны людям, принесли бы им благо. Одна из особенностей отношения арийских мудрецов к явлениям природы состояла в том, что они старались представить эти явления в виде положительных сил, доброжелательно настроенных к людям, оптимистически, эмоционально-позитивно воздействующих на них. Такой характер был придан ими и облику божеств небесных светил.

Эти божества выступали как устроители жизни людей, управлявшие ими разумно и в соответствии с их интересами. Через образы богов-Адитьев и прежде всего Митру и Варуну авторы РВ в те далекие времена пытались выразить и внедрить в жизнь исходные, основополагающие принципы и нормы социальной жизни, которые остаются таковыми и в наше время. Прежде всего мудрецы учили людей единению, пониманию необходимости жить в единстве. Этот принцип риши воплощали в жизнь с помощью Адитьев:

«Они достигли светоносной власти,
Двое Адитьев, повелителей дара.
Митра из них двоих, Варуна объединяет людей,
Арьяман объединяет людей» (I, 136, 3).

Митра и Варуна не только объединяют людей, они создают для них еще одно важнейшее условие благополучного существования:

«Благодаря завету (богов) вы даете (людям) прочный мир...» (V, 72, 2).

Такой мир возможен тогда, когда люди будут жить по закону. Образцом для людей являются Адитьи — хранители великого вселенского закона:

«Преданные закону, рожденные законом, усиливающиеся от закона, Грозные, ненавидящие беззаконие...» (VII, 66, 13).

Люди понимают, что добиться успеха можно лишь живя в согласии с законом:

«Они, имеющие много петель, — это две преграды для беззакония, Через которые трудно проникнуть обманщику-смертному.
О Митра-Варуна, (идя) путем закона, пусть благодаря вам
Мы пересечем трудности, словно воды, на лодке!» (VII, 65, 3).

Митра и Варуна прославляются поэтами за то, что те заставляют каждого человека жить по закону:

«Ведь они истинные, соприкасающиеся с законом,
Творящие закон в отношении каждого человека,
Добрые поводыри, добрые дарители,
Создающие широкий простор даже из узости» (V, 67, 4).

Древние люди нашли средство, с помощью которого можно налаживать отношения между племенами и народами, предотвращать и улаживать разногласия и конфликты. Этим средством был договор. Оно настолько важно и эффективно, что ведийские арии обожествили его. Богом договора у них был Митра, чье имя буквально означает «дружеский договор, дружба». Этот бог следил за тем, чтобы племена были верными заключенным между ними договорам, например договорам относительно распределения пастбищ и водоемов. Митра становился на сторону тех, кто соблюдал соглашения, и безжалостно уничтожал вероломных нарушителей их. Эта функция Митры, которой он был наделен в древние времена единой индоиранской общности, сохранялась довольно долго и вновь приобрела большое значение у иранских ариев, когда они, став оседлыми земледельцами, нуждались в мире и добрых отношениях с соседними кочевыми племенами. Так в авестийском «Михр-яште», относящемся к середине первого тысячелетия до нашей эры, мы находим строки, в которых описывается, как верховный бог уже новой религии — зороастризма — Ахура-Мазда наказывает тех, кто не соблюдает договор:

«Спаси нас от напасти,
 Спаси от бед нас, Митра,
 Которому не лгут.
 Вот так ты устрашаешь
 Противящихся Митре,
 Не чтущих договор:
 Рук отнимаешь силу
 У них, когда ты грозен,
 Ног отнимаешь стойкость,
 Из глаз обоих зренье
 И слух из двух ушей» («Яшт» 10.23).

Понимая огромное значение нравственных принципов и норм в социальной жизни, авторы РВ придали Митре и Варуне функцию образцов и блюстителей нравственности. Почему им? Олицетворяемое ими небесное светило отличается особой чистотой и яркостью света, постоянством своего блеска. И такая же чистота характерна для высоко нравственных поступков людей и их лучших моральных качеств.

Адитьи ассоциируются с безгрешностью, несвязанностью с виной. Такими же хотят быть и арии:

«Адитьями, не связанными (с виной), мы хотим быть, крепостью
 Среди богов, о Васу, (и) среди смертных!
 Добиваясь, о Митра-Варуна, мы хотим добиться!
 Существова, о Небо-и-Земля, мы хотим процветать!» (VII, 52, 1).

Митра и Варуна — это боги, лишенные обмана. Они укрепляют нравственный закон охраняемым ими вселенским законом:

«Закон законом пестуя,
 Вы достигли стремительной силы действия.
 Усиливаются два бога, лишенные обмана» (V, 68, 4).

Не терпящим лжи и предостерегающим от нее людей предстает Варуна:

«(Он тот), кого не стремятся обмануть ни любители обманов,
 Ни вредители среди людей,
 Ни злоумышленники, — (его,) бога...» (I, 25, 14).

Почитая богов нравственности, арии стремятся не совершать грехи:

«Да не совершим мы того, о Васу, (боги. — А.М.), что вы караете!» (VII, 52, 2).
 «Если сегодня, о Сурья (бог Солнца. — А.М.), восходя,
 Ты провозгласишь род человеческий невиновным,
 (Провозглашая) истину Митре (и) Варуне,

Пусть будем мы (такими) перед богами, о Адити,
Приятными тебе, о Арьяман, когда мы воспеваем» (VII, 60, 1).

Адителям, как богам, олицетворяющим яркие светила, находящимся высоко на небе и оттуда освещающим всю землю и поэтому «все видящим», естественно было приписать функции наблюдателей за жизнью людей, за их поступками и функцию высших судей над людьми. Это и делают риши. При взгляде на созданные ими образы богов как на единство воображаемых сверхсубъектов и реальных физических объектов становятся более понятными стихи об этих богах, которым в метафорическом виде приписываются свойства светил.

«(Те) двое, которые с высокого неба
Наблюдают за (людьми), как за стадами» (VIII, 25, 7).
«(Они) со своим безошибочным зрением,
Даже моргая, они (все равно) наблюдают как наблюдатели» (VIII 25, 9).
«Когда же мужа, воплощающего блеск власти,
Варуну, мы пробудим
К милосердию, (его,) далеко смотрящего?» (I, 25, 5).
«...Все сокрытое
Наблюдает внимательный,
Сотворенное и что будет сотворено» (I, 25, 11).

Итак, мы видим, какими важными социальными функциями были наделены Адити и прежде всего Митра и Варуна. Эти функции по существу представляли собой идейную основу этико-правовой сферы арийского социума. Посредством богов названные функции соединяются с одними из наиболее впечатляющих явлений природы — посылающими на землю свет планетами. Преображенное таким образом природное, став в представлениях тогдашних людей антропоморфным, включается в мир человеческой жизни, становится ее элементом, социализируется. Благодаря этому соединению социальные функции получают высшую санкцию, приобретают неоспоримый горний статус. «И подобно их (Митры-Варуны. — А.М.) заветам, человеческий (обет) помещен на небо для обозрения» (V, 66, 2). Связью с космическим законом, высшим порядком мироздания поднята и усилена роль социальных норм. Их значение и обязательность получили высший статус. Человек благоговевает перед картиной звездного неба, перед наиболее яркими светилами. Он чувствует их силу, непреложность, незыблемость, неуязвимость, чистоту. И эти качества переносятся на ассоциированные со светилами принципы социальной жизни.

Примечания

- 1 Сома — опьяняющий галлюциногенный напиток, получаемый путем выжимания из растения того же названия.
- 2 См.: *Дюмезиль Ж.* Верховные боги индоевропейцев. М., 1986. С. 56, 64.
- 3 *Bhattacharji S.* The Indian Teogony. Cambridge, 1970. P. 42.
- 4 Ор. с. P. 33.
- 5 Ор. с. P. 225.
- 6 *Krann Э.К.* Астрономия: легенды и предания о Солнце, Луне, звездах и планетах. М., 1999. С. 283–284.
- 7 Маруты — боги грозовых туч, сверкающие молниями.
- 8 Гомер. Илиада. XXIII, 227–229.
- 9 Если Митра — небесное светило, то под просторными пастбищами следует понимать широкие просторы неба, находящиеся вокруг него. Выражение «мириад очей» отражает сильный блеск этого светила. Слова «он ширь обозревает» естественно трактовать как способность этой планеты ярко светить во все стороны.
- 10 Хара — горы в Центральной Азии. Слова «самым первым восходит перед бессмертным Солнцем» описывают картину появления Венеры на фоне утренней зари перед восходом Солнца.
- 11 Здесь имя Митры применяется к вечерней звезде, появляющейся после захода солнца. Тем самым налицо объединение под одним именем двух ипостасей Венеры.
- 12 Эти строки также говорят о Митре как о едином боге утренней и вечерней звезды. Этот Митра проходит по всем сторонам света, а не только появляется на востоке, как первоначальный Митра — бог только утренней звезды.
- 13 Тиштрия — звезда Сириус. Митра, т.е. Венера, сияет очень ярко, как самая яркая звезда ночного неба Сириус.
- 14 *Дюмезиль Ж.* Цит.соч. С. 39.
- 15 Там же. С. 40.
- 16 *Елизаренкова Т.Я.* Еще раз о ведийском боге Варуне // Труды по востоковедению. Вып. 1. Тарту, 1968. С. 114.
- 17 См.: *Дюмезиль Ж.* Цит. соч. С. 156; *Bhattacharji S.* Ор. с. P. 43.
- 18 См.: *Bhattacharji S.* Ор. с. P. 41.
- 19 *Бируни абу Рейхан.* Индия. М., 1995. С. 266.
- 20 См.: *Элиаде М.* Космос и история. М., 1987. С. 209–210.
- 21 *Кун Н.А.* Легенды и мифы Древней Греции. М., 1975. С. 71–72.
- 22 *Бакулин П.И., Кононович Э.В., Мороз В.И.* Курс общей астрономии. М., 1983. С. 72.
- 23 Мундака — упанишада, II, 1.
- 24 Чхандогья-упанишада, VI, 4, 1.
- 25 Описание признаков комет дается по книге: *Добровольский О.В.* Кометы. М., 1966. С. 7–23, 147–158, 169–198, 243–259.
- 26 См.: *Machek V.* Origin of the god Vishnu. // Archiv orientalny. 1960. 28/1. P. 107.
- 27 См.: *Bhattacharji S.* Ор.с. P. 298.
- 28 Ор. с. P. 284.
- 29 *Machek V.* Ор. с. P. 107–108.
- 30 Ор. с. P. 105.
- 31 *Krann Э.* Цит. соч. С. 590.
- 32 Цит. по: *Левин Б.Ю., Симоненко А.Н.* Комета Галлея. М., 1984. С. 20–21.
- 33 Там же. С. 590.